

Хотя Линь Цзюань из-за траура не смог участвовать в экзаменах, Линь Яньхун, вернувшись в Академию Цинтун, некоторое время опасался, что его общение с Чжан Цзяньи может измениться.

Однако оказывается, некоторые люди и некоторые дела не требуют лишних беспокойств.

Напротив, без Линь Цзюаня трое стали общаться ещё гармоничнее, и Линь Яньхун увидел в них больше искренности.

— После Хунсю собирается поступить в Академию Ханьлинь. Нам же либо оставаться в столице, либо отправляться на службу в провинцию, — улыбнулся Чжан Цзяньи. — Если бы выбор был за мной, я бы предпочёл службу в провинции — там гораздо больше свободы.

Ляо Сыян взглянул на Линь Яньхуна и мысленно вздохнул: «Сейчас и так беспокойное время, и для Линь Яньхуна, в его возрасте, оставаться в столице и вести дела, вероятно, станет серьёзным испытанием».

За последние два года император отозвал старых чиновников в Тяньцзин, и некоторые из них уже потеряли доверие государя по определённым причинам, оставшись в подавленном состоянии.

После встречи с Чжан Цзяньи и Ляо Сыян, Линь Яньхун вернулся домой поздно.

Когда он вошёл в комнату, то обнаружил, что Ли Цзинчэн уже пришёл.

Некто сидел за письменным столом Линь Яньхуна, что-то усердно писал, настолько сосредоточенный, что даже не заметил, как Линь Яньхун вошёл, и не поднял головы, продолжая писать.

Линь Яньхун подошёл ближе и увидел, что Ли Цзинчэн на самом деле переписывает «Сутру Сердца».

Его почерк был выучен под руководством Линь Яньхуна, и в нём чувствовалось что-то от «учителя», хотя в манере письма было меньше плавности и больше свободы, что уже начинало обретать свой стиль.

Линь Яньхун, видя его сосредоточенность, про себя посмеивался.

С тех пор, как на банкете Линь Яньхун получил от императора новое имя, наследник князя начал капризничать. Хотя он говорил мало, в его словах чувствовалось, что ему не нравится это имя.

Линь Яньхун долго думал, прежде чем понял, что именно его беспокоит.

Просто он считал, что имя Хунсю, хотя и символизирует глубокое благословение, звучит как монашеское прозвище, и по некоторым невысказанным причинам Ли Цзинчэн это очень не нравилось.

— Ты вырос под опекой наставника Уцзюэ, и моя болезнь была вылечена на горе Ушань. Мы оба под защитой Будды, а многим дают имена, связанные с ним. Ничего страшного. Разве из-за такого имени я вдруг собрался стать монахом?

Этот маленький выросший волчонок теперь «предательски» пренебрегал именем Линь

Яньхуна, связанным с буддийским храмом. Настоящий неблагодарный.

Накануне Линь Яньхун уже утешал расстроенного волчонка:

— К тому же, посмотри, сколько людей в Поднебесной могут получить имя от самого императора? Такая честь, кажется, выпадала лишь канцлеру Лу. Это добрый знак.

Тогда волчонок ворчал в объятиях Линь Яньхуна, совершенно не слушая, и продолжал капризничать как обычно.

В этом нельзя было винить Линь Яньхуна, но Ли Цзинчэн также не мог открыто обвинять того, кто жил во дворце, поэтому он просто злился на себя, всё больше молчал, не играл в комнате, а накануне переписал экзаменационную работу Линь Яньхуна, а сегодня начал переписывать сутру.

Линь Яньхун был уверен, что тот знал о его приходе — наследник князя Юй был очень наблюдательным, к тому же снаружи были теневые стражи.

Он молча подошёл к Ли Цзинчэну, наблюдая, как тот пишет, закатал рукава и начал усердно растирать тушь.

Ли Цзинчэн слегка поднял глаза, посмотрел на руку Линь Яньхуна и наконец остановился, отложив кисть в сторону.

Линь Яньхун, увидев это, мягко спросил:

— Где ты ужинал? Опять с наследником князя Хуэй?

— Нет, один, — ответил Ли Цзинчэн.

Линь Яньхун услышал в его голосе подавленность и слегка похлопал его по запястью:

— Что ел? Расскажи мне.

И тогда обычно молчаливый наследник князя слово за словом честно рассказал о своём ужине, совершенно не считая этот разговор глупым.

Хотя этот парень уже становился всё выше и сильнее, Линь Яньхун всё ещё относился к нему как к ребёнку, особенно учитывая, что волчонок умел льстить, поэтому разговаривал с Ли Цзинчэном с естественной нежностью и постоянным желанием утешить.

Наследник князя Юй, в свою очередь, очень ценил это, поэтому даже отвечал на явно отвлекающие вопросы с удовольствием.

Линь Яньхун кивнул:

— Еда в резиденции наследника такая замечательная, слушать — одно удовольствие.

— Переезжай ко мне, — предложил тот, не задумываясь.

Линь Яньхун усмехнулся:

— Глупости, я ведь не чжанши в резиденции наследника, как же мне жить с тобой?

Сказав это, он взял только что переписанную сутру и просмотрел её:

— Кстати, наставник Уцзюэ этой зимой тоже приедет в Тяньцзин погостить, правда?

С тех пор как император неожиданно вызвал всех князей, а вдовствующая императрица пригласила монахов из храма Хуайинь для проведения ритуалов, наставник Уцзюэ каждую зиму приезжал в Тяньцзин и останавливался во дворце.

После первого раза его визиты стали более скрытными, но поскольку Линь Яньхун поддерживал с ним переписку, наставник не скрывал от него своих планов, чтобы Линь Яньхун не волновался, не получая ответа.

Линь Яньхун, хотя и не знал, что ночные кошмары императора Лян становились всё серьезнее, и именно поэтому ему пришлось пригласить наставника Уцзюэ в Тяньцзин, но догадывался, что частые поездки наставника из храма Хуайинь были связаны с государем.

Когда он был с Ли Цзинчэном, он старался избегать разговоров на эту тему, чтобы не наткнуться на какие-то секреты императорской семьи, которые могли бы поставить Ли Цзинчэна в неловкое положение — отвечать ли, или молчать.

Линь Яньхун был уверен, что если ему нужно будет что-то узнать, Ли Цзинчэн точно не станет скрывать.

А то, о чём Ли Цзинчэн не говорил, либо не имело отношения к Линь Яньхуну, либо было тем, что знать ему было не к чему.

После успешной сдачи экзаменов Линь Яньхун отправил письмо наставнику Уцзюэ, и, судя по срокам, оно уже должно было дойти до горы Ушань, поэтому он спросил об этом мимоходом.

Ведь с тех пор, как он покинул гору Ушань несколько лет назад, Линь Яньхун больше не видел наставника Уцзюэ и сильно скучал по нему.

Ли Цзинчэн кивнул, вырвал сутру из рук Линь Яньхуна, смял её и отбросил в сторону.

Линь Яньхун рассмеялся:

— Ты так старательно писал, и всё зря?

Он заметил, что повязка на волосах Ли Цзинчэна немного ослабла, и помог ему поправить её:

— Если тебе правда так не нравится это имя, не звать меня им, разве не лучше?

Линь Яньхун вдруг что-то вспомнил и улыбнулся ещё шире:

— Ваше Высочество, почему бы тебе не называть меня старшим братом, как Яньси?

— Взять верх над наследником князя Юй, пожалуй, мог только он, Линь Яньхун.

Услышав это, Ли Цзинчэн схватил его за запястье и пристально посмотрел на него.

Линь Яньхун посмотрел в ответ, но всегда чувствовал себя неуютно под таким пристальным взглядом, поэтому, сдержав улыбку, попытался высвободить руку.

К сожалению, попытка не удалась, и он, боясь расстроить того ещё больше, отвёл взгляд в

сторону и пообещал:

— В общем, зови как хочешь, давай просто считать, что этого имени и нет.

Только что он говорил, что получить имя от императора — это большая честь, а теперь предлагал «забыть» о нём. Он даже не осознавал, насколько его «предательство» было сопоставимо с поведением этого выросшего в храме волчонка.

...

Похоже, Линь Яньхун утешил его достаточно, потому что после этого наследник князя Юй больше не был расстроен этим.

Вечером Ли Цзинчэн больше не сидел за письменным столом, переписывая что-то, а чаще превращался в волка и играл рядом с Линь Яньхуном, как будто снова стал тем беззаботным ребёнком.

С тех пор как Линь Яньхун приехал в столицу, он расслабился только в первые несколько дней, когда кузен показывал ему «свет».

Потом он усердно учился для экзаменов, затем были церемонии и банкеты, и в целом он был очень уставшим.

Теперь, когда всё временно закончилось, Линь Яньхун наконец смог отдохнуть дома несколько дней, играя с волчонком... кашляет, то есть развлекая волчонка, и жил очень комфортно.

Он сам расслабился, но кто-то из-за этого не мог расслабиться.

Автор хотел бы сказать: Спасибо «Ба Юэ Гуйхуасян» за «гранату» и Чжу Ю за «мину» поддержки! (*J 3 ㄥ)

<http://bllate.org/book/17693/1651545>